

УДК 342+341.1

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК И ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОБЩЕПРИЗНАННЫХ ПРИНЦИПОВ И НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНУЮ ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ

Сауляк Олег Петрович,

д-р юрид. наук, доцент, председатель,

e-mail: Olegs69@mail.ru,

Московская коллегия адвокатов «Юристы-профессионалы», г. Москва,

Зейналов Шамиль Ашрафович,

заместитель директора,

e-mail: bryansk@rea.ru,

*Брянский филиал Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова, г. Брянск*

В статье рассматриваются проблемные вопросы имплементации норм международного права в национальную правовую систему Российской Федерации и их влияние на становление правопорядка в нашей стране.

Ключевые слова: Конституция, правопорядок, национальная правовая система, международное право, международный договор

CONSTITUTIONAL LAW AND ORDER AND THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF THE UNIVERSALLY RECOGNIZED PRINCIPLES AND NORMS OF INTERNATIONAL LAW INTO THE NATIONAL LEGAL SYSTEM OF RUSSIA

Saulyak O.P.,

doctor of legal sciences, professor, president,

e-mail: Olegs69@mail.ru,

Moscow Bar Association “Lawyers-professionals”, Moscow,

Zeynalov Sh.A.,

deputy director,

e-mail: bryansk@rea.ru,

Bryansk branch of the Russian University of Economic G.V. Plehanov, Bryansk

In article problematic issues of implementation of rules of international law in the national legal system of the Russian Federation and their influence on formation of law and order in our country are considered.

Keywords: Constitution, law and order, national legal system, international law, international treaty

DOI 10.21777/2587-9472-2019-1-29-37

Прошедший 2018 год в жизни России – год юбилейных дат. Многие институты государства, созданные в далеком 1918 году, отмечали свой вековой юбилей. Однако не менее значительным событием на этом фоне выглядит 25-летие принятия действующей Конституции как главного политико-правового документа, определяющего общий вектор развития нашей страны и ее национальной правовой системы.

Правовая система каждой страны по-своему самобытна, что находит свое наглядное проявление в специфике структурного соединения элементов указанной системы, определении целей и принципов ее функционирования, закреплении круга основных источников внутригосударственного права, формировании правовой идеологии и юридических практик, правовых традиций и юридического опыта.

Подобные особенности внутреннего строения национальной правовой системы во многом определяют уникальность облика правопорядка, который выстраивается в конкретном государственно-организованном обществе.

Вместе с тем следует отметить, что в современных условиях заметно возрастает роль внешних факторов, влияющих на становление правопорядка в определенном социуме. Отчасти это обусловлено развитием глобализации, которая при всех своих недостатках и противоречиях стимулирует интеграционные процессы в жизни отдельных стран, регионов и мирового сообщества в целом. В сфере права одним из направлений подобной интеграции является сближение разноплановых национальных правовых систем с международно-правовой системой.

Российская Федерация является активным участником процессов международно-правовой интеграции. В условиях глобализации отечественная правовая система становится все более открытой и восприимчивой к воздействию общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров России. Юридическая наука исходит из презумпции, что воздействие этих факторов на национальный правопорядок носит позитивный характер. Однако практика правового регулирования свидетельствует, что процессы имплементации принципов и норм международного права в российскую правовую систему проходят не всегда успешно и порой сопряжены с существованием весьма серьезных проблем, анализ которых представляет несомненный научно-практический интерес.

Сближение разноплановых по своей сути международной и отечественной правовых систем началось несколько десятилетий назад. Первый «прорыв» в этом направлении связан с принятием в 1961 году Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, где в ст. 129 была закреплена норма о том, что если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора¹. В дальнейшем аналогичные положения получили нормативную фиксацию и в других основополагающих законах различных отраслей советского законодательства. Воспроизводили их и корреспондирующие им республиканские кодексы, в том числе и кодексы РСФСР.

Следующей значимой вехой в истории усиления взаимодействия отечественного и международного права стало принятие в 1977 году Конституции СССР. В статье 29 Основного закона указывалось, что отношения Советского Союза с другими государствами строятся в том числе на основе добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров².

Уже после распада Советского государства существенным шагом по пути соединения регулятивного потенциала международной и российской правовых систем явилось включение в апреле 1992 года в текст действовавшей на тот момент Конституции РСФСР (1978 г.) положений о том, что общепризнанные международные нормы имеют преимущество перед законами Российской Федерации (ст. 32). Но действие этой конституционной формулы ограничивалось лишь сферой прав человека³.

Конституция России 1993 года принципиально иначе решает вопросы взаимодействия национального и международного права. В соответствии с ч. 4 ст. 15 главного политико-правового документа Российского государства «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Регулятивное воздействие указанных принципов и норм, положений международных договоров распространяется на самый широкий спектр отношений не только межгосударственного, но и внутригосударственного характера.

¹ См.: Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 8 декабря 1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 525.

² См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик 1977 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

³ См.: Закон РФ от 21 апреля 1992 г. № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 20. – Ст. 1084.

Отсылка к общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам России содержится и в ряде других статей Конституции нашей страны, которые, в частности, регламентируют вопросы: признания и гарантированности реализации прав человека и гражданина (ч. 1 ст. 17); гражданства (ст. 62); предоставления политического убежища (ст. 63); юрисдикции России на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне (ст. 67); обеспечения прав коренных малочисленных народов в России (ст. 69); обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ч. 3 ст. 46).

В этой связи в научной литературе не без оснований отмечается, что Конституция России, «развивая отечественный опыт взаимодействия национального и международного права и учитывая практику конституционного регулирования других государств, преодолела многие препятствия к открытости внутреннего правопорядка для норм международного права»⁴. Между тем эти обстоятельства едва ли сами по себе облегчают положение субъектов правового регулирования, которые, как свидетельствует юридическая практика, испытывают весьма серьезные затруднения в части, касающейся правильной реализации общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации.

Существование проблемных зон, прежде всего, в сфере применения международного права, обусловлено различными причинами. К числу таковых относится и известная степень неопределенности в существующей терминологии. Как отмечают специалисты, конституционные формулы «не всегда раскрывают и даже недостаточно точно отражают категории международного права» [14]. Так, действующая Конституция и законодательство нашей страны не содержат четкого ответа на вопрос, что представляют собой общепризнанные принципы и нормы международного права?

Долгое время в качестве ориентира для решения этого вопроса предлагалось использовать правила ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.), которая содержит дефиницию императивной нормы общего международного права (*jus cogens* – «неоспоримое право»). Согласно положениям указанной статьи, «императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»⁵.

Однако в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров речь идет об императивных нормах общего международного права, в то время как в Конституции России 1993 года говорится, с одной стороны, об общепризнанных принципах международного права, с другой – о его общепризнанных нормах. Чем же общепризнанные принципы отличаются от общепризнанных норм международного права?

Разрешить этот вопрос попытался Пленум Верховного Суда Российской Федерации своим постановлением от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Согласно положениям п. 1 названного постановления, «под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо». В свою очередь, по мнению Пленума, общепризнанной нормой международного права является «правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного»⁶.

Нетрудно заметить значительное совпадение правовых позиций, сформулированных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, и положений ст. 53 Венской конвенции о праве международ-

⁴ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М., 2009. – С. 44.

⁵ См.: Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.

⁶ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 12.

ных договоров. Но контрастной грани, позволяющей четко различать общепризнанные принципы и нормы международного права, Пленуму сформулировать не удалось. К тому же его разъяснения в этой части далеко небезупречны. Так, если следовать логике Пленума, то получается, что общепризнанная норма международного права отнюдь не является его императивной нормой (во всяком случае, четкого указания на это обстоятельство в правовых позициях, содержащихся в анализируемом постановлении, не содержится).

Сформулировав дефиницию общепризнанных принципов международного права, Пленум разъясняет, что отклонение от указанных принципов недопустимо. Когда же речь заходит об общепризнанных нормах международного права, то почему-то указывается, что они являются «юридически обязательными». В чем же состоит кардинальная разница между понятиями «недопустимость отклонения» и «юридическая обязательность»? Представляется, что Пленум несколько увлекся «игрой» в понятия, которые передают один и тот же смысл.

Более последовательной в плане различения общепризнанных принципов и норм международного права представляется позиция, согласно которой и те, и другие по своей природе – императивные нормы общего международного права. Но общепризнанные принципы имеют более фундаментальный характер, отражают суть международного права и стратегические цели международного сотрудничества. При этом каждый принцип всегда есть норма, но не каждая норма является принципом⁷.

В целях обеспечения единства судебной и правоприменительной практик, становления эффективного правопорядка в современной России требует «расшифровки» словосочетание «международным сообществом государств в целом». В юридической литературе неоднократно высказывалась точка зрения, что формулировка «в целом» отнюдь не означает «все государства», но предполагает признание данной нормы представительным большинством стран, включая и применяющее государство [6; 9; 13]. Однако до сих пор подобные уточнения не получили какого-либо нормативного закрепления.

В соответствии с п. 9 указанного выше постановления «неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта». При этом «неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права».

Дабы избежать подобных ошибок, суды и иные правоприменительные органы вынуждены решать далеко непростую задачу, связанную с необходимостью поиска и «вычленения» общепризнанных принципов и норм международного права, которые оказались «рассредоточены» по всему огромному массиву международно-правовых документов [7]. Некие ориентиры для судов и иных субъектов применения права попытался установить Пленум Верховного Суда Российской Федерации в анализируемом постановлении. Так, в п. 1 постановления указывается, что содержание общепризнанных принципов и норм международного права «может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений».

Но вряд ли эти разъяснения «спасают» судей и иных правоприменителей, поскольку неизбежно возникают следующие вопросы: «Какие конкретно документы ООН и ее специализированных учреждений имеет в виду Пленум? И почему только этих учреждений?». Обращает на себя внимание и некая «нестыковка» анализируемых правоположений и тех разъяснений, которые были даны судам ранее в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»⁸. Так, в п. 5 постановления Пленума от 31 октября 1995 г. № 8 указывалось, что общепризнанные принципы и нормы международного закрепляются в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности Всеобщей декларации прав человека⁹, Международном пакте о гражд-

⁷ См.: Международное право / под ред. Г.И. Тункина. – М., 1994. – С. 106.

⁸ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Российская газета. – 1995. – 28 дек.

⁹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 дек.

данских и политических правах¹⁰, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах¹¹).

Если же ориентироваться на практику деятельности Международного Суда как главного судебного органа ООН¹², то становится очевидным, что к числу источников общепризнанных принципов и норм международного права относятся не только международные конвенции (общего и специального характера), но и международные обычаи как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы¹³. Но (не понятно почему?) термин «международный обычай» вообще не встречается в тексте ни одного из двух названных постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ситуация, связанная с правильным применением на практике общепризнанных принципов и норм международного права, осложняется еще и тем обстоятельством, что на сегодняшний день не определен хотя бы их примерный перечень. Некое единодушие среди представителей юридического сообщества существует лишь относительно десяти базовых принципов международного права, которые получили свое закрепление в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (от 24 октября 1970 г.)¹⁴, и Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.)¹⁵.

Согласно названным международно-правовым документам, к числу общепризнанных принципов международного права могут быть отнесены: 1) суверенное равенство государств, уважение прав, присущих суверенитету; 2) неприменение силы или угрозы силой; 3) нерушимость границ; 4) территориальная целостность государств; 5) мирное урегулирование споров; 6) невмешательство во внутренние дела; 7) уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; 8) равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; 9) сотрудничество между государствами; 10) добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Два из десяти указанных выше принципов (всеобщего уважения прав человека и добросовестного выполнения международных обязательств) определяются как общепризнанные и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5. Относительно остальных положений международного права, которые могли бы быть отнесены к числу его общепризнанных принципов и норм, такого совпадения мнений не наблюдается. Напротив, представляется возможным вести речь о некоторой «разногласии», что само по себе не способствует становлению единообразной правоприменительной практики и эффективного правопорядка. Анализ судебных решений и иных актов индивидуального правового регулирования свидетельствует, что субъекты правоприменения, лишённые четких ориентиров, испытывая к тому же дефицит времени и информации, зачастую произвольно относят те или иные положения международно-правовых документов к числу общепризнанных принципов и норм международного права.

Ошибки такого рода можно наблюдать не только в деятельности районных (городских) судов, но и высших судебных инстанций страны. Так, в одном из своих определений Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации по иску Л. к ООО «Интеррыбфлот» к общепризнанным принципам и нормам международного права отнесла рекомендации Международной организации труда (МОТ)¹⁶. В другом своем решении (от 20 октября 2003 г. № ГКПИ03-1072) та же

¹⁰ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

¹¹ См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 292.

¹² См.: Устав Организаций Объединенных Наций // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 11–34.

¹³ См.: Статут Международного Суда // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 35.

¹⁴ См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 36–42.

¹⁵ См.: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) // Действующее международное право. Документы: в 2 т. Т. 1. – М., 2007. – С. 43–47.

¹⁶ См.: Постановления Президиума и определения Судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 1. – С. 3.

коллегия, признав недействующим подп. «а» п. 15 постановления Совета Министров СССР от 4 декабря 1981 г. № 1145 «О порядке и условиях совмещения профессий (должностей)», просто сослалась на общепризнанные принципы и нормы международного права без конкретного наименования¹⁷.

Как полагают специалисты, подобная «вольница» будет сохраняться до тех пор, пока в нашей стране не появится единый правовой акт, в котором будут четко перечислены хотя бы общепризнанные принципы международного права, которые сегодня являются составной частью правовой системы России [11]. В этой связи заслуживают поддержки предложения правоведов, апеллирующих к зарубежному юридическому опыту (например, Германии), что наиболее подходящим вариантом решения этой задачи может стать некий свод правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированных в порядке официального толкования ч. 4 ст. 15 действующей Конституции России¹⁸.

К целенаправленной работе над подобным документом, учитывая ее кропотливый и трудоемкий характер, должны, видимо, быть привлечены и представители юридической науки, и специалисты-практики. Но на сегодняшний день представляется возможным вести речь лишь о разрозненных (а потому, вероятно, и не слишком успешных) попытках отдельных авторов дополнить перечень общепризнанных принципов международного права. Предложения подобного плана, безусловно, представляют теоретический интерес, однако вряд ли способны служить в качестве надежного ориентира для правоприменительной практики.

Выстраивание в обществе эффективного правопорядка предполагает, что в процессе реализации общепризнанных принципов международного права субъекты правового регулирования должны учитывать их системный характер. Согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 года при толковании и применении названных принципов следует исходить из того, что все «принципы являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов». Общепризнанные принципы международного права в равной степени императивны, что само по себе должно исключать любые попытки их противопоставления на этапе реализации. Между тем практика правового регулирования свидетельствует, что такие попытки давно перестали быть редкостью. Особенно часто это наблюдается при сопоставлении принципов права наций на самоопределение и территориальной целостности государства.

Конституция России 1993 года хранит молчание относительно того, как соотносятся между собой общепризнанные принципы, нормы международного права и положения международных договоров Российской Федерации? Как разрешаются коллизии между указанными принципами и нормами и федеральными законами? Наконец, каково соотношение общепризнанных принципов, норм международного права и положений самой Конституции? Между тем четкое и последовательное решение указанных вопросов представляется крайне значимым для становления эффективного правопорядка в нашей стране.

По поводу соотношения общепризнанных принципов международного права и международных договоров в отечественной юридической науке давно сложилась устойчивая позиция, согласно которой «содержащиеся в тех или иных международных договорах положения, противоречащие основным принципам международного права, не могут считаться действительными» [2; 8; 15]. Нормативной основой для подобного вывода являются, прежде всего, положения Устава ООН. В частности, ст. 103 Устава закрепляет следующее правило: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу».

В случае возникновения коллизии между положениями международных договоров Российской Федерации и общепризнанными нормами международного права приоритет в применении имеют по-

¹⁷ См.: Постановления Президиума и определения Судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 9. – С. 1–2.

¹⁸ См.: Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 528–531; *Бабай А.Н., Тимошенко В.С.* Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации // Российская юстиция. – 2006. – № 10. – С. 63; и др.

следние. Такой однозначный вывод вытекает из ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров, закрепляющей общепризнанную норму международного права, согласно которой «договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права».

Учитывая эти обстоятельства, вполне логичным представляется и утверждение о том, что в случаях конкуренции общепризнанные принципы и нормы международного права имеют приоритет в применении над положениями федеральных законов. Иная практическая позиция, как справедливо утверждается в научной литературе, может поставить под сомнение приверженность России цивилизованному мировому порядку, в основе которого лежит международное право, и привести к нарушению нашей страной своих международных обязательств¹⁹.

Относительно соотношения общепризнанных принципов, норм международного права и положений Конституции Российской Федерации в отечественной научной литературе высказывались три различных точки зрения. Сторонники первой из них полагают, что «общепризнанные принципы и нормы международного права в случае признания их Российской Федерацией стоят на уровне конституционных норм, т.е. имеют юридическую силу, равную юридической силе самой Конституции» [4; 5]. Однако подобная «примиренческая» позиция представляется малопродуктивной в практическом плане, поскольку открытым остается вопрос – в пользу каких предписаний (конституционных или международного права) должна разрешаться юридическая коллизия?

Вторая точка зрения исходит из примата общепризнанных принципов и норм международного права над Конституцией России. При этом праведы часто ссылаются на ч. 1 ст. 17 Конституции нашей страны, согласно которой «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Буквальное и грамматическое толкование указанных конституционных положений, как уверяют некоторые специалисты, и позволяет сделать вывод о приоритете общепризнанных принципов и норм международного права над нормами Конституции [10].

Если быть объективным, то приходится признать, что грамматическая конструкция, которую использовали авторы текста Конституции в ч. 1 ст. 17, не слишком удачна. Однако едва ли для определения места, которое занимают общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе нашей страны, достаточно будет ограничиться грамматическим и буквальным толкованием лишь одной статьи Конституции. Подобный подход ошибочен, в том числе и с точки зрения методологии анализа и толкования юридических текстов, поскольку искусственно «вырывает» из социально-правового контекста одно конституционное положение, игнорируя при этом его многочисленные взаимосвязи с другими нормативными предписаниями. Очевидно, что правильное уяснение и разъяснение смысла конституционно-правовых формул предполагает необходимость комплексного использования всего арсенала приемов и способов толкования (историко-политического, логического, системного, расширительного и т.д.).

В этой связи более последовательной является третья точка зрения. Ее сторонники, учитывая прямое действие Конституции как главного политико-правового акта, который обладает высшей юридической силой и закрепляет суверенный характер Российского государства, обосновывают вывод о том, что принципы и нормы Конституции Российской Федерации обладают приоритетом в применении перед общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами России [1; 3; 12; 16]. Любая иная позиция умаляет учредительный, рационализирующий и стабилизирующий потенциал Конституции, которая определяет ориентиры развития национальной правовой системы, ее отдельных элементов, включая и правопорядок.

Применительно к реалиям сегодняшнего дня представляется возможным вести речь о том, что не только в юридической науке, но и в сфере правового регулирования возобладала именно последняя точка зрения. Доказательством тому является Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 8 февраля 2006 г. № 36-СФ, в котором указывается буквально следующее:

¹⁹ См.: *Бабай А.Н., Тимошенко В.С.* Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе Российской Федерации // *Российская юстиция.* – 2006. – № 10. – С. 64.

«Конституция Российской Федерации в рамках правовой системы России обладает высшей юридической силой по отношению ко всем внутригосударственным нормативным актам, а также положениям, предусмотренным нормами международного права. В случае возникновения коллизии между конституционными положениями и международно-правовыми положениями государственный орган согласно Конституции Российской Федерации должен руководствоваться правилами, закрепленными в Конституции Российской Федерации»²⁰.

Проблема обеспечения эффективного взаимодействия международной и российской правовых систем не исчерпывается вопросами сугубо юридического плана, а носит комплексный характер. Это предполагает необходимость успешного разрешения и целого ряда других задач. Например, требуют модернизации процессы подготовки, переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, в рамках которых особое внимание должно быть уделено изучению положений международного права и практики его применения органами ООН и ее специализированными учреждениями, Европейским Судом по правам человека, другими судебными инстанциями. Следует обратить особое внимание на вопросы надлежащего информационного и методического обеспечения деятельности правотворческих, судебных и иных правоприменительных органов, координации взаимодействия органов власти и ученых-юристов. Только на этой основе могут быть разработаны научно обоснованные рекомендации по успешной имплементации в национальную правовую систему России норм международного права и их последующей реализации в целях становления легитимного, гармоничного и стабильного правопорядка в общественной жизни.

Список литературы

1. Безруков А.В. Конституция, основной закон и международный договор: природа и соотношение // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 7. – С. 11.
2. Бобров Р.Л. Современное международное право. – М., 1962. – С. 62.
3. Бояришинов Б.Г. Международные договоры в правовой системе Российской Федерации // Законодательство. – 1997. – № 4. – С. 34.
4. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. – М., 2005. – С. 103.
5. Дагуев А.В. Некоторые особенности производства по делам о проверке конституционности не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации // Юридический мир. – 2008. – № 11. – С. 34.
6. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 119.
7. Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю. Постановление Пленума Верховного Суда России от 10 октября 2003 г. и международно-правовые реалии // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2004. – № 4. – С. 26–31.
8. Лукашук И.И. Договоры, противоречащие императивной норме международного права // Право и политика. – 2005. – № 6. – С. 55–72.
9. Лукашук И.И. Международное право в судах государств. – СПб., 1993. – С. 135.
10. Лукашук И.И. Международное право. – М., 1996. – С. 238.
11. Марочкин С.Ю. Какие международные договоры подлежат применению судами // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 1. – С. 45, 46.
12. Матвеева Т.Д. Международное право. – М., 2004. – С. 76.
13. Петров Д.Е. Отрасль права: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2001. – С. 13.
14. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. – М., 1996. – С. 30.
15. Тункин Г.И. Теория международного права. – М., 1970. – С. 114.
16. Шульженко Ю.Л. Самоохрана Конституции Российской Федерации. – М., 1997. – С. 18, 19.

²⁰ См.: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 февраля 2006 г. № 36-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2005 года “О состоянии законодательства в Российской Федерации”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 7. – Ст. 746.

References

1. *Bezrukov A.V.* Konstituciya, osnovnoj zakon i mezhdunarodnyj dogovor: priroda i sootnoshenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2005. – № 7. – S. 11.
2. *Bobrov R.L.* Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo. – M., 1962. – S. 62.
3. *Boyarshinov B.G.* Mezhdunarodnye dogovory v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii // Zakonodatel'stvo. – 1997. – № 4. – S. 34.
4. *Vitruk N.V.* Konstitucionnoe pravosudie. Sudebno-konstitucionnoe pravo i process. – M., 2005. – S. 103.
5. *Daguev A.V.* Nekotorye osobennosti proizvodstva po delam o proverka konstitucionnosti ne vstupivshih v silu mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii // Yuridicheskij mir. – 2008. – № 11. – S. 34.
6. *Danilenko G.M.* Primenenie mezhdunarodnogo prava vo vnutrennej pravovoj sisteme Rossii: praktika Konstitucionnogo Suda // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 11. – S. 119.
7. *Ignatenko G.V., Marochkin S.Yu.* Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossii ot 10 oktyabrya 2003 g. i mezhdunarodno-pravovye realii // Byulleten' Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii. – 2004. – № 4. – S. 26–31.
8. *Lukashuk I.I.* Dogovory, protivorechashchie imperativnoj norme mezhdunarodnogo prava // Pravo i politika. – 2005. – № 6. – S. 55–72.
9. *Lukashuk I.I.* Mezhdunarodnoe pravo v sudah gosudarstv. – SPb., 1993. – S. 135.
10. *Lukashuk I.I.* Mezhdunarodnoe pravo. – M., 1996. – S. 238.
11. *Marochkin S.Yu.* Kakie mezhdunarodnye dogovory podlezhut primeneniyu sudami // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2005. – № 1. – S. 45, 46.
12. *Matveeva T.D.* Mezhdunarodnoe pravo. – M., 2004. – S. 76.
13. *Petrov D.E.* Otrasl' prava: avtoref. dis... kand. jurid. nauk: 12.00.01. – Saratov, 2001. – S. 13.
14. *Polenina S.V.* Zakonotvorchestvo v Rossijskoj Federacii. – M., 1996. – S. 30.
15. *Tunkin G.I.* Teoriya mezhdunarodnogo prava. – M., 1970. – S. 114.
16. *Shul'zhenko Yu.L.* Samoohrana Konstitucii Rossijskoj Federacii. – M., 1997. – S. 18, 19.